

Анекдот 97

Глубокая печаль Петра Великого о кончине царевича Петра Петровича

Сколь велика была радость Петра Великого при рождении царевича Петра Петровича, первого сына от второй его супруги, родившегося в 1714 году, столь же неутешною объят он был печалию по кончине его на втором году от рождения³⁸

Нежный родитель, лишившись любимого своего сына, совсем предался горести и не только пролил много слез, но и впал в задумчивость, которая могла бы иметь весьма худые следствия,

если б оные не были отвращены нежною попечительностью его супруги и благоразумием и отважностью преданного отечеству сенатора князя Долгорукова.

Государь в горести заперся в своем кабинете и трое сутки сряду не допускал к себе никого, даже и супруги своей. Он лежал на софе, не употреблял никакой пищи и питья и не хотел ни о чем слышать, даже и о самых важнейших делах. Течение государственных дел вдруг остановилось; доклады министров его и генералов оставались без ответа и решения; исполнение воинских дел, не терпящих ни малой отсрочки, было прервано; ни Сенат, ни Адмиралтейство, ни Военная коллегия не знали, что начать; при дворе владычествовала томная тишина, тоскою и ужасом сопровождаемая. Но ничто не могло сравниться с печальным состоянием императрицы. В горести о потере любезного своего сына должна она была участвовать и в глубокой печали дражайшего своего супруга, имея причину страшиться еще важнейшего урона, ибо государь находился в толь опасном состоянии, что из запертого своего кабинета не отвечал и ей ничего, сколько она ни стучалась. Нежная супруга всегда была в слезах и занемогла от тоски и горести. Наконец, нужда и ея благоразумие внушили ей способ вызвать императора из его уединения. Она послала ночью за сенатором князем Долгоруковым, которого отважность и отменное уважение, какое государь к нему имел, известны ей были по многим опытам; представила ему ужасную опасность, которою тогдашнее состояние монарха угрожало всему государству, и просила его со слезами подумать о способах к извлечению государя из сего состояния и к избавлению отечества от очевидной опасности.

Сей благоразумный и мужественный сын отечества, подумав несколько, старался утешить и ободрить императрицу, уверяя, что в следующий день все переменится и государь выйдет из своего уединения.

Возвратившись из дворца, тотчас разослал он ко всем сенаторам записки, в которых именем императрицы назначил в следующий день поутру чрезвычайное собрание Сената. В сем собрании объявил он настоящее положение обстоятельств и желание императрицы, чтоб все сенаторы немедленно явились ко двору и старались утешить государя и вывести его из уединения.

Вследствие сего все сенаторы явились ко двору и пришли к дверям того кабинета, в котором государь заперся. Долгоруков постучался, но государь молчал. Долгоруков постучался сильнее и вскричал государю, чтоб он отпер и что Долгоруков и весь Сенат пришли доложить ему о деле величайшей важности. Петр Великий подошел к дверям, но все еще не отвечал ни слова. Долгоруков вскричал громче, что дело не терпит ни малой

отсрочки и чтоб его величество отпер дверь, ибо они принуждены будут выломить дверь и вывести его величество силою, если он не хочет лишиться престола и государства. Государь, услышав сие, отпер дверь и вышел из кабинета. Он изумился сперва, увидев всех сенаторов, но тотчас опомнился и сказал: «Что вам надобно? Почто вы меня беспокоите?» — «Странное твое от нас удаление, — отвечивал Долгоруков, — и слишком продолжительная и бесполезная твоя печаль все государство привело в замешательство; все государственные дела остановились; благополучные успехи в войне на море и на сухом пути прекратились; торговля пришла в упадок; побежденные неприятели новую уже получили бодрость и угрожают государству разорением. Если ты не выйдешь из своего уединения и еще долее будешь от правления уклоняться, то государственные чины принуждены будут избрать другого правителя вместо тебя».

Государь, убежден будучи столь важным представлением, обещал сенаторам рассеять печаль свою и на другой день приехать в Сенат. Потом его величество тотчас пошел вместе с ними к своей супруге, обнял ее с нежностью и сказал: «Так и быть, Катенька, не станем больше роптать на то, что Бог сделал». Он оставил всех сенаторов у себя обедать и так ободрился, что печаль его была уже не приметна. С того ж времени его величество принялся по-прежнему за дела и на другой день по обыкновению своему был в Адмиралтействе и в Сенате³⁹